

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Головнев И.А.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА ЭКРАНЕ: СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КИНО В 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг.¹

Аннотация: В статье, основу которой составляют неопубликованные ранее материалы (стенограммы тематических совещаний и политических программ, архивные свидетельства и воспоминания современников), рассматривается малоизученная страница советской национальной политики, связанная с кинематографом. Зародившись в начале XX в. в форме экзотических кинозарисовок, к концу 1920-х гг. этнографическое кино в России оформилось в продуктивное направление. В этнокино работали ведущие документалисты страны: Д. Вертов, В. Ерофеев, А. Литвинов, В. Шнейдеров и др. Каждая крупная киностудия имела в своем плане регулярный выпуск фильмов о народностях Советского Союза. Создавались даже специализированные кинотеатры для показа лент этнографического содержания. С одной стороны, этнографическое кино имело успех у зрительских масс в СССР, для которых являлось «окном» в неведомую культурную географию огромной страны, с другой, этнокино являлось и выгодной статьей культурного экспорта. И подоплекой развития советского этнографического кино на рубеже 1920-х – 1930-х гг. был именно курс национальной политики партии. С целью трактовки и массовой пропаганды советской идеологии как для населения многонационального Союза, так и вовне его, на службу государству были поставлены как этнографическое кино, так и этнографическая наука. Характерно, что в этот период в рамках мероприятий культурной революции для применения в системе всеобщего обучения был запущен и грандиозный комплексный проект, призванный объединить ресурсы этнографической науки и кинематографии, – «Киноатлас СССР». Развернутый государственный заказ по широкому экранированию прогрессивных изменений в жизни этнических сообществ многонационального Союза с приходом советской власти являлся отражением политики «коренизации» в СССР. Однако с изменением курса национальной политики в первой половине 1930-х гг. в сторону т.н. «великого отступления», синхронно с ведомственными репрессиями этнологии, этнографическое кино сошло с экранов страны.

Ключевые слова: советское этнографическое кино, национальная политика в СССР, история этнографии.

Головнев Иван Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: golovnev.ivan@gmail.com.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00076 «Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино».

NATIONAL SYMBOLS AND NATIONAL CONSCIOUSNESS

Golovnev I.A.

NATIONAL POLICY ON THE SCREEN: THE MAKING OF THE SOVIET ETHNOGRAPHIC CINEMA IN THE 1920s – EARLY 1930s

Abstract: *The history of Soviet ethnographic cinema is full of great names, heroic pathways, and classic films. But this creativity was closely connected with policy. This article, based on the previously unpublished data, explores the new research questions that address the representation of images of nations and regions in the Soviet documentary films of the 1920th – 1930th. As a part of the Soviet cultural policy, the educational and propaganda ethnographic films in the USSR were actively related with developing a set of visual topoi, describing the composite multinational Soviet state. The films of regional studios in the USSR based on regional (local) data played a central role in creating of the cinematographic image of the state. Working across “a sixth part of the world”, filmmakers elaborated a set of lasting visual images, forming the construct of regional diversity of the great and multinational state. They also attempted to “popularize” the ideals of communism among Soviet citizens and for the audience abroad. However, apart from its creative and educational mission, ethnographic cinema was part of the state’s grand experiment in nation-building, for Soviet authorities employed it as a means of uniting the peoples of the new Union “on the big screen”. Eventually, though, the show of “primitive peoples” began to be perceived as hindrance to the success of the Soviet brand; and in the mid-1930s, ethnographic films, quite in parallel with ethnographic theories in academia, went off the stage.*

Key words: *Soviet ethnographic cinema, national policy in USSR, history of ethnography.*

Golovnev Ivan Andreevich – candidate of historical sciences, scientific research of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia. E-mail: golovnev.ivan@gmail.com.

Национализация кино

27 августа 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет «О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение народного комиссара просвещения». Эта дата, до сих пор отмечающаяся в России как «День кино», ознаменовала национализацию кинематографии, монополизацию управления всеми кинопроцессами (тематическое планирование, производство, прокат) в руках единого кинопродюсера – советского государства. Впервые кинематограф закрепился в новой программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б), в качестве одного из главных образовательных ресурсов, и со временем превратился в важное орудие культурной революции. Кино было поставлено большевиками на вооружение как ключевое средство массовой информации и агитации, причем особое внимание государства уделялось кинохронике и документальному кино – как эффективному визуальному каналу, способному «практически показать, как надо социализм строить» [1, 185]. И, поскольку одним из основных для новой власти был т.н. «национальный вопрос», именно документальное этнографическое кино было призвано стать «важнейшим из искусств» советского нациестроительства.

В кино приходило новое поколение, ломающее установки старой школы, и складывалось положение, когда «снимали, что нужно, и уже верили, что так нужно» [2, 830]. Коммунистическую расшифровку мира декларировал Д. Вертов [3, 15], с пониманием политических задач кинематографа творили В. Ерофеев [4, 24], В. Шнейдеров [5, 188] и А. Литвинов [6, 10]. Марксисты-кинематографисты не просто снимали о революции – они делали эту революцию. В частности, в этнографическом кино они конструировали новую многонациональную страну, «объединяя» народы СССР на экране.

В 1924–1925 гг. производство единиц кинопродукции этнографического содержания стало регулярным для таких крупных студий, как «Культикино», «Пролеткино», «Азгоскино», «Севзапкино», «Межрабпом-Русь», «Госвоенкино», «Госкинопром» [1, 19]. В своей книге «Этнографическая фильма» А. Терской приводит следующие примеры этнографических киноработ вышеупомянутых студий за 1924–1926 гг.: «Туркестан» (оператор Дорн), «Казахстан» (Толчан), «Русский Север» (Кудрявцев), «Полярные страны», «Дагестан» (Скачко), «Экспедиция на Шпицберген» (Лебедев), «По Средней Азии» (реж. Посельский, оператор Гибер), «Карелия и Мурманск», «Старая Бухара» (реж. Беляев), «Череповец и Вологда» (оператор Дранков), «Национальные красноар-

мейские части на фоне местного быта» (Малахов), «Военно-грузинская дорога» (оператор Поликевич), «По Азербайджану» (оператор Толчан)» [7, 19–20].

Из общего потока кинопродукции этого периода выделяются фильмы Д. Вертова, содержащие этнографические материалы. Во-первых, следует упомянуть 19-й номер киножурнала «Киноправда» 1924 г. – данный выпуск имел заголовок «Пробег киноаппарата Москва – Ледовитый океан», в него было включено два дальневосточных сюжета: «Морж», «Эскимосы» [5, 190]. Во-вторых, «Шестая часть мира» (1926) – фильм, собранный из съемок разных операторов различных территорий Советского Союза.

Постепенно производство т.н. «культурфильмов» (включая этнографические) демонстрировало количественный рост: с 70 наименований в 1925 г. до 200 – в 1930 [8, 18]. Выделились студии, активно производившие культурфильмы: «Совкино», «Востоккино» и др., и даже появилась специальная студия – «Культурфильм». Анализируя кинопродукцию периода конца 1920-х – начала 1930-х гг., киновед А. Дерябин выделил следующие наиболее заметные фильмы этнографического содержания: «К берегам Тихого океана» М. Налетного, М. Каростина, «Камчатка» и «Вокруг Азии» Н. Константинова (1927 г.); «Алтай» В. Степанова, «Байкал» Н. Кудрявцева, «Великий северный путь» Н. Большинцова, К. Венцеля, «Шанхайский документ» Я. Блюха (все – 1928 г.); «По берегам и островам Баренцева моря» В. Пронина (1929 г.), «По Камчатке и Сахалину» Л. Вульфова, «Среди гольдов» режиссера А. Бек-Назарова (все – 1930 г.); «К белому пятну Арктики» Н. Кармазинского (1931 г.)» [9, 13]. Сюда же можно отнести кинозарисовки «Тунгусы» П. Зотова и Е. Свиловой (1927), «Бухара» Е. Свиловой (1927) и «В стране Нахчо» Н. Лебедева (1929).

На конец 1920-х – начало 1930-х гг. приходится и стадия качественных изменений в этнокинопроцессе, что выразилось в появлении полноформатных авторских фильмов о народах. Одним из творческих импульсов для пионеров советского этнографического кино стали примеры работ зарубежных коллег, прежде всего, фильмы «Нанук с Севера» Р. Флэрти, «С кинокамерой по всему миру» К. Росса 1924 г. и «Чанг» 1927 г. М. Купер и Б. Шёдзак, имевшие успешный кинопрокат и широкий общественный резонанс в различных странах мира, включая СССР [9, 12]. Появление целой серии классических советских этнографических фильмов в этот период было связано с именами таких режиссеров, как В. Ерофеев («За Полярным кругом» (1927), «Памир» (1928 г.), «Аф-

ганистан» (1929 г.), «Далеко в Азии» (1933 г.), В. Шнейдеров («Подножие смерти» (1928) о Памире, «Эль-Йемен» (1929), «Два океана» (1933)) и А. Литвинов («Лесные люди» (1928), «По дебрям Уссурийского края» (1928), «Неведомая земля» (1929), «Оленный всадник» (1931), «Тумгу» (1931), «Оживающий полуостров» (1931), «Чжоу», «Хочу жить», «У берегов Чукотского моря» (1934)).

С одной стороны, этнографическое кино имело громкий успех у советских зрителей, ведь для многих оно было единственным «окном» в неведомую культурную географию огромной страны. С другой стороны, подобный бум производства этнокино в конце 1920-х – начале 1930-х гг. был бы попросту не возможен, не будь на то ведомственного госзаказа. Ведь к тому времени общие принципы централизации руководства охватили и кинематограф: все его планы определялись Оргбюро ЦК ВКП(б), согласовывались с ведомственными наркоматами и направлялись для исполнения в киноорганизации. Именно политическое руководство страны определяло не только что надо строить, но и как это надо снимать. Характерно, что в это же время появляется и беспрецедентно амбициозный проект – «Киноатлас СССР», инициированный ЦК партии.

Национализация науки

Процессы ведомственного подчинения, национализации кинематографии и науки в конце 1920-х – начале 1930 гг. были фактически смежными. Радикальные преобразования в этнологической науке привели к обновлению кадровой структуры исследовательских и преподавательских учреждений за счет марксистов и к соответственному изменению понимания предмета и задач этнонауки, а «на смену научной автономии научно-исследовательских центров и независимости учебных заведений пришли перспективное планирование и строгая регламентация интеллектуальной деятельности» [10, 192]. Историками науки отмечается, что «главной целью научной политики Советского государства в этот период было создание условий, при которых наука была бы наиболее эффективно поставлена “на службу социалистического строительства” [11, 27]. На ту же «службу», как было сказано выше, призывалась и кинематографическая отрасль. И следующим шагом со стороны государства было объединение сил науки и кинематографа на фронтах культурной революции. В этой связи интересно сопоставить параллельные линии двух ключевых совещаний конца 1920-х гг. – по кино и по этнологии.

15–21 марта 1928 г. в Москве состоялось Первое Всесоюзное Партийное Собрание по кинематографии при ЦК ВКП(б). Оно стало не просто подведением итогов первого послереволюционного кинодесятилетия, но и полем критики старых подходов и выработки нового курса в советском кино, где основное ударение ставилось на воспитательную и агитационную роль кинематографа в советском строительстве. Наряду с кинематографистами, с установочными докладами на Собрании выступали и партийные деятели, а решения Собрания закреплялись на уровне государственных директив. В частности, инструкции Первого Всесоюзного гласили: «Считая культурфильму (научно-популярную, этнографическую, школьную, учебную) одним из мощных средств распространения и популяризации общих и технических знаний, необходимо образцово поставить ее производство; при этом необходимо обеспечить доступность культурной фильма для широкого зрителя по ее содержанию» [12, 449]. Кроме того, подчеркивалось, что «особенно важны задачи советской кинематографии в области обслуживания, воспитания и укрепления взаимных связей между отдельными национальностями Союза» [12, 447]. По свидетельству А.Н. Терского, именно Партсобрание по вопросам кинематографии 1928 г. запустило линию на сближение науки и кино: «Научной фильме, в том числе и этнографической, придано большое значение, к ней будет усилено внимание. Научные отделы кинофабрик начинают советоваться и пользоваться консультациями профессуры» [7, 21].

Лозунги о необходимости содействия науки и кино в русле национальной политики звучали и на знаменитом для истории этнонауки собрании этнографов Ленинграда и Москвы 1929 г. Например, Н.М. Маторин в докладе «Этнография и советское строительство» отмечал: «Этнографы могут популяризировать научные основы и практические результаты советской национальной политики посредством организации просветительской работы, музеев, устройства лекций, выставок, рабочих университетов, издания специальной литературы, выпуска кинофильмов и пр. Разве не известно, что у нас бывают безграмотные кинофильмы без правильной постановки? Здесь наши корректировки чрезвычайно важны» [11, 347]. Просвещать пролетарские массы через этнографическое кино в музейном деле предлагал Б.М. Соколов, а Я.П. Кошкин подчеркивал необходимость обучения студентов-этнографов кино съемке, т.к. «если этнограф поехал в поле, он должен уметь заснять» [11, 412]. В тезисах С.Ф. Ольденбурга кино упоминается как средство расшифровки малопонятного для масс содержания работы этнографа, а пред-

седатель фото-секции ленинградского отделения Центрального Бюро Краеведения СССР Н.Н. Павлов-Сильванский, подчеркивая принципиальную необходимость занятий фотографией и кино, декларировал, что этнограф должен «овладеть этим орудием изучения так же, как письменностью. Потому что плох тот этнограф, который не умеет зафиксировать своих наблюдений. И особенно нужно заострить внимание на кинематографии, потому что этим средством предстоит в будущем пользоваться» [11, 460]. О необходимости консультации киноэкспедиций со стороны профессиональных ученых говорил на Совещании и профессор Н.Ф. Яковлев.

Характерно, что тот же Н.Ф. Яковлев стал автором идеологического введения к единственному тематическому изданию по этнокино – программной книге А.Н. Терского «Этнографическая фильма», вышедшей в 1930 г. Именно в это переломное для этнографии и кинематографии время в данном, очевидно, «госзаказном», труде остро критиковалась вся история производства этнографических фильмов и давались инструкции по актуальным направлениям взаимодействий специалистов науки и кино в свете новых установок партии.

«Этнографическая фильма только тогда получит актуальную конкретную полезность, когда она будет иметь известную идею содержания. Идея эта должна быть увязана с насущной потребностью развития страны», – декларирует А.Н. Терской [7, 102]. Н.Ф. Яковлев вторит ему с научного фланга: «этнограф из некоего собирателя различных отживших редкостей, раритетов, из своеобразного и слепого ценителя антикварных реликвий общественной жизни становится впервые не только наблюдателем, но и участником того грандиозного творчества, которое захватывает сейчас самые отсталые, самые далекие уголки Советского Союза. Он превращается в наблюдателя борьбы старого с новым, а следовательно, он может и должен стать и полноправным и полезным участником этой борьбы» [7, 6]. Основной задачей этнографического фильма, исходя из марксистской методологии, называлось выявление средствами кино производительных сил и производственных отношений у представителей снимаемого этнического сообщества. А главным стержнем этнофильма объявлялось хозяйство. К числу актуальных относились также следующие темы: семья и брак, правовые отношения, классовое расслоение, роль женщины в обществе. А верования и искусство – как надстройка – относились к числу тем «второго» порядка.

Национализация культур

Еще «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» 1917 г. провозглашала принцип национального равноправия – и не только по отношению к большим нациям и многочисленным народам, но и для упомянутых Декларацией «этнографических групп», что законодательно закрепила Конституция РСФСР 1918 г. Последовавшие решения X (1921 г.) и XII (1923 г.) съездов РКП(б) помочь отсталым народам «догнать ушедшую вперед центральную Россию» стали программой для социалистических преобразований на национальных окраинах. В политических резолюциях большевики «сверху» призывали национальные окраины «развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительские учреждения на родном языке...» [13, 367].

Отталкиваясь от ведомственных директив, тесно переплетаясь с НЭПом, и культурной революцией, советская национальная политика конца 1920-х – начала 1930-х гг. выражалась в т.н. «коренизации», предполагавшей опору на местные кадры. В.А. Тишков называет эксперимент советского нациестроительства уникальным, указывая на то, что происходил он путем формирования «социалистических наций с наделением их своими “национальными территориями”, столичными городами, экономической базой, письменными языками, профессиональной культурой и т.п.» [14, 105]. И особая линия данного эксперимента заключалась в «переделке» малых народов, исходя из ленинской формулы, допускавшей искусственный «перескок» ими стадии капитализма при переходе от патриархально-общинного к социалистическому строю. А в качестве одного из средств для «перековки» культур и было необходимо этнокино, в которое малые народы всматривались как в «кривое» зеркало, созданное мастерами кинопропаганды с целью «привить массам метод этнографических наблюдений, метод отвлечения от своей религии, от своего быта, от своих предрассудков и своих суеверий, и ... чтобы сдвинуть стабилизированную традицией мысль до состояния брожения» [7, 115].

В частности, при Президиуме ЦИК СССР была создана практически ориентированная правительственная организация – Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), в состав которого вошли как политические деятели (П.Г. Смидович, Ф. Кон, Е.М. Ярославцев и др.), так и исследователи-североведы (В.Г. Богораз, С.А. Бутурлин, С.В. Керцели, Л.Я. Штернберг и др.), «причем последние должны были обеспечить решение задач политического характера научным бэкгра-

ундом» [10, 41]. Важную роль в проведении культурной революции на Северо-Восточных национальных окраинах СССР сыграли комплексные учреждения – культбазы Комитета Севера. Работники этих учреждений – пропагандисты, фельдшеры, учителя, киномеханики – переезжали из стойбища в стойбище, оказывали медицинскую помощь, обучали соблюдению санитарных правил и демонстрировали кино.

Первые кинопередвижки появились на Севере и Дальнем Востоке СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Кинопрокат первоначально сосредотачивался в крупных поселках и культбазах, но показ фильмов, как правило, приурочивался к приезду сюда коренного населения с пастбищ и отдаленных угодий. Оснащение окраин киноаппаратурой активно поддерживалось властями, и к началу 1930-х гг. «в районах расселения народов Севера уже удалось претворить в жизнь ленинское пожелание о широком использовании киноискусства для просвещения и воспитания широких масс» [6, 190]. А, благодаря активному спонсированию кинопроизводства со стороны государства, существенную часть экранного времени заняли «правильные» советские этнофильмы. Такая деятельность имела двойной эффект: с одной стороны, этнокино знакомило зрителей большой страны с культурами многонационального населения окраин, а с другой стороны, успех этих фильмов у широкой общественности явился важным средством укрепления национального самосознания самого коренного населения. Кроме того, этнографическое кино имело и имиджевую нагрузку, являя собой презентационный образ того или иного региона для внешнего зрителя. Как отмечают историки кино, «подчиняясь политике, срастаясь с экономикой, документалистика способствовала ускорению социально-экономического роста СССР и укреплению государственного строя» [6, 193].

Итак, совмещая выполнение творческих, научных и политических задач, несмотря на тотальную партийную цензуру в кинематографии и этнографии, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. советское этнографическое кино достигло беспрецедентного за всю свою историю подъема. Именно в это время лидерами направления – А. Литвиновым, В. Шнейдеровым и В. Ерофеевым – были созданы самые значительные из советских этнофильмов, совмещавшие в себе научную и кинематографическую ценность и по праву вошедшие в фонд мировой киноклассики [15, 81]. В то же время следует признать, что становление и бурное развитие этнокинодвижения в период первой пятилетки явилось частью планового советского эксперимента в области нациестроительства, а большая масса этнофильмов выполняла функцию заказных киноагиток.

Не случайно, в связи с последовавшим изменением курса национальной политики партии в сторону т.н. «великого отступления» 1933–1938 гг. [16, 45] произошло вытеснение этнографических фильмов из тематических планов киностудий, вплоть до полного сворачивания их производства.

Список литературы:

1. *Страницы истории отечественного кино*. Москва, Материк, 2006. 284 с.
2. Гращенкова И.Н. *Киноантропология XX/20*. Москва, Человек, 2014. 896 с.
3. Вертов Д. *Из наследия*. Т. 2. Москва, Эйзенштейн-центр, 2008. 648 с.
4. *Владимир Алексеевич Ерофеев (1898–1940). Материалы к 100-летию со дня рождения*. Москва, Музей кино, 1998. 40 с.
5. Шнейдеров В.А. Советский экран и народы Севера. *Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера*. Москва, Наука, 1971. 334 с.
6. Литвинов А.А., Поляновский М.Л. *Скачок через столетия. Дневник Камчатской киноэкспедиции*. Москва, Молодая Гвардия, 1931. 157 с.
7. Терской А.Н. *Этнографическая фильма*. Москва, Теакинопечать, 1930. 187 с.
8. Лебедев Н.А. *Очерки истории кино СССР. Немое кино: 1918–1934 гг.* Москва, Искусство, 1965. 373 с.
9. Дерябин А.С. О фильмах-путешествиях и Александре Литвинове. *Вестник «Зеленое спасение»*. Алматы, Гермес, 1999, вып. 11, сс. 12–23.
10. Соловей Т.Д. *От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX в.* Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. 289 с.
11. *От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.)*. Санкт-Петербург, МАЭ РАН, 2014. 511 с.
12. *Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения*. Москва, ОГИЗ, 1931. 496 с.
13. *ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. Москва, Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. 752 с.
14. Тишков В.А. *Российский народ*. Москва, Просвещение, 2010. 192 с.
15. Головнев И.А. «Лесные люди» – феномен советского этнографического кино. *Этнографическое обозрение*, 2016, № 2, сс. 81–96.

16. Мартин Т. *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939.* Москва, Российская политическая энциклопедия, 2011. 664 с.

References:

1. *Stranitsy istorii otechestvennogo kino.* Moscow, Materik, 2006. 284 s. (In Russ.) [*Pages of history of Russian cinema.* Moscow, Mainland, 2006. 284 p.]
2. Grashchenkova I.N. *Kinoantropologiya XX/20.* Moscow, Chelovek, 2014. 896 s. (In Russ.) [Grashchenkova I.N. *Cine-anthropology.* Moscow, Man, 2014. 896 p.]
3. Vertov D. *Iz naslediia.* T. 2. Moskva, Eizenshtein-tsentr, 2008, 648 s. (In Russ) [Vertov D. *From the heritage.* Vol. 2. Moscow, Eizenshtein-center, 2008. 648 p.]
4. *Vladimir Alekseevich Erofeev (1898–1940). Materialy k 100-letiyu so dnya rozhdeniya.* Moskva, Muzei kino, 1998, 40 s. (In Russ.) [*Vladimir Alekseevich Erofeev (1898–1940). Materials the 100th anniversary of the birth.* Moscow, Museum of cinema, 1998. 40 p.]
5. Shneiderov V.A. *Sovetskii ekran i narody Severa. Osushchestvlenie leninskoi natsional'noi politiki u narodov Krainego Severa.* Moskva, Nauka, 1971, 334 s. (In Russ.) [Shneiderov V.A. *Soviet screen and the peoples of the North. The realization of Lenin's national policy among the peoples of the far North.* Moscow, Science, 1971. 334 p.]
6. Litvinov A.A., Polianovskii M.L. *Skachok cherez stoletiya. Dnevnik Kamchatskoi kinoekspeditsii.* Moskva, Molodaya Gvardiya, 1931. 157 s. (In Russ.) [Litvinov A.A., Polianovskii M.L. *Leap through the centuries. Kamchatka film expedition's diary.* Moscow, Young Guard, 1931. 157 p.]
7. Terskoi A.N. *Etnograficheskaya fil'ma.* Moskva, Teakinopechat, 1930. 187 s. (In Russ.) [Terskoi A.N. *Ethnographic cinema.* Moscow, Teakinopechat, 1930. 187 p.]
8. Lebedev N.A. *Ocherki istorii kino SSSR. Nemoie kino: 1918–1934.* Moskva, Iskusstvo, 1965, 373 s. (In Russ.) [Lebedev N.A. *Essays on the history of cinema of the USSR. Silent film: 1918–1934.* Moscow, Art, 1965. 373 p.]
9. Deryabin A.S. *O fil'makh-puteshestviyakh i Aleksandre Litvinove. Vestnik «Zelenoe spasenie».* Almaty, Germes, 1999, vyp. 11, ss. 12–23. (In Russ.) [Deryabin A.S. *About the films-the travel and Alexander Litvinov. Vestnik “Green salvation”.* Almaty, Hermes, 1999, vol. 11, pp. 12–23.]

10. Solovei T.D. *Ot "burzhuaznoi" etnologii k "sovetskoi" etnografii. Istoriya otechestvennoi etnologii pervoi treti XX veka*. Moskva, Institut Etnologii i Antropologii RAN, 1998. 298 s. (In Russ.) [Solovei T.D. *From "bourgeois" ethnology to "Soviet" ethnography. The history of Russian ethnology in the first third of the XX century*. Moscow, IEA of RAS, 1998. 289 p.]
11. *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929)*. Sankt-Peterburg, MAE RAN, 2014. 511 s. (In Russ.) [From the classics of Marxism: the meeting ethnographers of Moscow and Leningrad (5–11 April 1929). St. Petersburg, MAE RAS, 2014. 511 p.]
12. *Direktivy VKP(b) po voprosam prosveshcheniya*. Moskva, OGIZ, 1931. 496 s. (In Russ.) [Directive of the CPSU(b) on education. Moscow, OGIZ, 1931. 496 p.]
13. *VKP(b) v rezoliutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK*. Moskva, Partizdat TsK VKP(b), 1936. 752 s. (In Russ.) [Communist party (Bolsheviks) in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. Moscow, Partizdat of the Central Committee of the CPSU(b), 1936. 752 p.]
14. Tishkov V.A. *Rossiiskii narod*. Moscow, Prosveshchenie, 2010. 192 s. (In Russ.) [Tishkov V.A. *The people of Russia*. Moscow, Education, 2010. 192 p.]
15. Golovnev I.A. Lesnye ludi – fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, № 2, ss. 81–96. (In Russ.) [Golovnev I.A. "Forest people" – The phenomenon of the Soviet ethnographic cinema. *Ethnographic review*. 2016, no. 2, pp. 81–96.]
16. Martin T. *Imperiya "polozhitel'noi deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaya entsiklopediya, 2011. 664 s. (In Russ.) [Martin T. *Empire of "positive activities". Nations and nationalism in the Soviet Union in 1923–1939*. Moscow, Russian political encyclopedia, 2011. 664 p.]